

2. *Stein J., Harnick Sh., Bock J.* Libretto Vocal Book «Fiddler on the roof»; Music Theatre International, 421 West 54th Street, New York, NY 10019, 1964.

3. *Митрофанова Д. А.* К проблеме перевода оперного либретто [Электронный ресурс] // Либретто во сне и наяву. URL: http://www.ceo.spb.ru/libretto/kon_lan/ogl.shtml (дата обращения: 12.06.2016).

4. *Ганзбург Г. И.* Указ. соч.

The peculiarities of translation of musical-dramatic work libretto

The article is devoted to the problem of translating of libretto of musical-dramatic work. Actual peculiarities of translation of the original musical libretto “Fiddler on the Roof” are revealed in the process of comparison of two translations made at different times. The authors prove that the peculiarities of such a genre can be described as the coexistence of three different text types (stage directions, characters speech and musical numbers). Each text type requires special method of translation.

Stage directions, used to be an art of comment to everything that takes place on the stage, require word-for-word translation. As well as culture-historical background preservation, the so called “humor translation” or the reproduction of comical episodes could also reveal problems in translation. An unnecessary directness or wrong interpretation can completely destroy the sense of comic effect. Translation of musical items is a particular challenge for the translator. Any text of a musical item requires not only literary translation, but special equirhythmic translation.

Thus we admit that libretto of a musical-dramatic work is a complex genre which requires flexibility in translation. A translator must not only have skills in literary translation of a prosaic and poetic text, but he should also preserve the original background of any text.

Keywords: text; libretto of musical-dramatic work; literary translation.

© **Д. А. Олицкая**
ТГУ, г. Томск

«Недотепа» А. П. Чехова в интерпретации немецких переводчиков «Вишневого сада»

В статье рассматриваются интерпретации чеховского неологизма «недотепа» в немецких переводах пьесы «Вишневый сад», представляющих различные этапы ее рецепции в Германии. Устанавливается множественность существующих переводческих решений, которая, с одной стороны, указывает на ограниченную переводимость понятия, окрашенного национальным колоритом, а с другой стороны, раскрывает широкий интерпретационный потенциал этого слова-лейтмотива. В большинстве проанализированных переводов пьесы на немецкий язык обнаруживается актуализация общепринятого смысла слова; предложенные переводчиками эквиваленты «Tolpatsch», «Nichsnutz», «taube Nuss» выражают в немецком языке представление о неловком, неуклюжем или недалеком человеке, но при этом несут различные акценты (пассивность, глупость, нерешительность, неудачливость и т. д.), определяющие трактовку представленных в чеховской пьесе характеров. Намного более редким случаем оказываются попытки передать в переводе слож-

ный характер чеховского «недотепа», выражающего идею незаконченности начатого, «недоделанности» («Unausgebackenes», «Windei»). Наконец, особый интерес представляет исключительно авторская трактовка неологизма в сценической обработке «Вишневого сада» Т. Браша («blindes Huhn», «taubes Huhn»), в которой на первый план выходит разобщенность всех персонажей пьесы, их неспособность слышать и понимать друг друга.

Ключевые слова: рецепция пьес А. П. Чехова в Германии, «Вишневый сад», перевод, интерпретация

В своей книге «“Вишневый сад”: жизнь во времени» исследовательница творчества Чехова Э. А. Полоцкая одну из глав посвятила трудностям перевода пьесы на иностранный язык. В центре ее внимания оказались всего два понятия — «недотепа» и «враздробь», которые, однако, не просто характеризуют специфическую народную речь Фирса, но несут в пьесе намного более глубокий смысл. Будучи тесно связаны между собой семантически, они служат метафорой состояния русского общества, которое зафиксировал в своей пьесе Чехов — «состояния, противостоящего завершенности и созидательному началу» [1].

Проследивая, как были переданы эти два слова в достаточно многочисленных переводах чеховской пьесы на английский язык, Полоцкая приходит к выводу, что при всех удачах и неудачах отдельных переводческих решений, в своей совокупности рассмотренные английские эквиваленты раскрывают новые возможности интерпретации авторского текста. Разделяя именно такую позицию по отношению к переводам, т. е. исходя прежде всего из присущего им свойства обнаруживать и раскрывать процесс соотношения и сравнения «своего» и «чужого», показывать границы их взаимной (не)переводимости на уровне различных структур [2], мы постараемся проследить, что же происходит со столь важным для чеховской пьесы словом «недотепа» в ее переводах на немецкий язык.

«Недотепа» относится к словам, которые начали свое бытие в пространстве русского языка именно после появления в чеховской пьесе. З. Паперный, обратившийся к записным книжкам Чехова, отметил, что сначала Чехов зафиксировал просто смешную фамилию «Варвара Недотепина», а затем уже появилась заметка, в которой слово с тем же корнем стало обобщением, своеобразным итогом жизни человека: «Недотепа на кресте его кто-то написал: «Здесь лежит недотепа» [3]. Э. А. Полоцкая указывает на украинское происхождение слова «недотепа» и предполагает, что этот украинизм

мог запомниться Чехову еще с детства и что он неоднократно использовался писателем и до написания «Вишневого сада». Она также приводит два значения слова, которые дает украинский словарь (в словаре Даля «недотепа» отсутствует): 1. Человек, который не может сделать, осуществить и т. д. что-нибудь с надлежащим умением; неумейка. 2. Умственно ограниченный, тупой, дурак. При этом автор книги подчеркивает, что выросший из слова психологический тип характера Чехов «освободил от грубой тупости».

Несущее общий упрек всем персонажам «Вишневого сада» лейтмотивное «недотепа», многократно повторяемое в тексте пьесы, является сильнейшим средством выражения авторской мысли, представления о человеке и чеховском драматургическом замысле вообще. Колоритное, звучащее (за исключением одного эпизода) из уст Фирса, оно является объединяющим для всех персонажей, главных и второстепенных, каждый из которых одновременно и носитель индивидуальной судьбы. Обращенное к Дуняше в первом действии, слово находится еще в конкретных бытовых рамках и просто констатирует нерасторопность прислуги. В третьем действии, в споре Раневской с Петей оно сначала становится определением незрелости характера Пети, а затем звучит в ответ на грубые, бездушные слова молодого лакея. В финале «недотепа», охватывая уже всю жизнь персонажа, становится заключительным аккордом, вслед за которым раздается звук лопнувшей струны. Таким образом реализуется важная особенность поэтического повтора у Чехова-драматурга: повторяющийся мотив как будто разрастается, становится всеобъемлющим. По мнению З. Паперного, «тень “недотепства” падает на многих персонажей “Вишневого сада” и тем самым незаметно, почти неуволимо, связывает все происходящее» [4].

На семантическом уровне определяющим главный смысл слова «недотепа» является «полуотрицание» «недо-», акцентирующее состояние незавершенности начатого, отсутствие или неудовлетворительность результата. Очевидно, что семантический уровень в силу известной межъязыковой и межкультурной асимметрии всегда является наиболее обширным полем для переводческих преобразований самого разного характера. Рассмотрим, какие оттенки смысла приобрел (или утратил) чеховский «недотепа» при выходе в немецкоязычный контекст.

Впервые «Вишневый сад» на немецкий язык перевел в 1912 г. живущий в Германии русский эмигрант З. Ашкинази (S. Aschkinasy) [5]. Оригиналom ему послужил текст мхатовской обработки пьесы, выполненный К. С. Станиславским, а уже переведенный «Вишневый сад» по просьбе Ашкинази читал и поправлял Л. Фейхтвангер. В качестве аналогии «недотепа» в данном переводе появляется немецкое «*Tolpatsch*» — «увальень, рохля». Словарь немецкого языка объясняет значение «*Tolpatsch*» как «очень неумелый, неловкий человек». Такой эквивалент хорошо отражает разговорный характер «недотепы», но мало передает тот особый смысл, который слово приобрело в чеховской пьесе как объединяющее всех ее персонажей понятие. Заключенная в немецком «*Tolpatsch*» семантика пассивности и неподвижности не всегда близка тем характерам, которые представил в своей пьесе Чехов. Уже в первом эпизоде чувствуется неувязка предложенного варианта с более чем живым характером Дуняши. Это без умолку болтающая, одевающаяся и причесывающаяся как барышня, танцующая на балу горничная, которую тот же Фирс предупреждает: «Закрутишься ты». И если в следующем эпизоде (ссора Раневской с Петей) такой перевод, возможно, дает намек на причину Петиных неудач в любовных делах, то отнесенное к Яше, это слово вступает в явный конфликт с его откровенной наглостью. Пожалуй, в самом общем своем значении слово «*Tolpatsch*» подходит только самому Фирсу в его финальном монологе, где оно характеризует его стариковское бессилие:

Чехов: <...> Я полежу... Силушки-то у тебя нету, ничего не осталось, ничего... Эх ты...недотепа!.. (*Лежит неподвижно.*)

Ашкинази, Фейхвангер: <...> Ich bleib da eine Weile liegen... hast keine Kraft mehr. Alles ist aus. Alles...Ach, du Tolpatsch! (*Er liegt unbeweglich.*)

Итак, при первом приближении к «недотепа» немецким переводчикам открылся только самый поверхностный смысл этого слова, они перевели его как присказку ворчащего старого лакея, заключающую в себе некий упрек.

Интересная попытка сохранить при переводе чеховского неологизма именно момент какого-то несовершенства, незавершенности обнаруживается в первом послевоенном переводе «Вишневого сада», отражающем особенности восприятия пьесы в период разделен-

ной Германии. Перевод под авторством Х. Ангаровой (H. Angarowa) был опубликован в 1947 г. в московском издательстве иностранной литературы в сборнике «Anton Tschechow. Schauspiele», включавшем в себя четыре вновь переведенные большие драмы Чехова [6]. Причины появления новых переводов чеховских пьес в ГДР безусловно носили идеологический характер, но вместе с тем переводы Ангаровой впервые точно следовали оригинальному тексту и давали о нем читателю более адекватное представление. Что касается «недотепы», то переводчица очень внимательно отнеслась к чеховскому неологизму и попыталась найти эквивалент, который бы полностью повторял русскую словообразовательную модель и тем самым сохранял значение этого специфического слова. «Недотепу» Ангарова перевела как «*Unausgebackenes*» (дословно — «не до конца выпеченное, непропеченное»). Сложной русской приставке «недо-» здесь соответствуют две следующие друг за другом немецкие: отрицательная «un-» и противопоставленная ей «aus-», усиливающая в слове «ausgebacken» (выпеченный, пропеченный) как раз семантику законченности, завершенности действия. В такой интерпретации подчеркивается факт незрелости персонажей, к которым обращено чеховское слово и которая не обязательно связана с их возрастом, а скорее с вялостью характера (не случайно мы и в русском говорим «расползтись как квашня», т. е. не уметь собраться с силами, принять решение), общей несамостоятельностью и нерешительностью. Схожий по своему значению вариант перевода «недотепы», но структурно чуть более от него отдаленный Э. А. Полоцкая обнаружила у английского переводчика «Вишневого сада» С. Манделла — «... you're not baked enough» («вы недостаточно допечены»). Неожиданный выход переводчиков при поиске эквивалента в «кулинарный дискурс», возможно, связан с попыткой передать ироническую окраску «недотепы».

В 1952 г. в Германии был опубликован перевод «Вишневого сада», выполненный Й. фон Гюнтером (J. von Guenther). Балтийский немец по происхождению, покинувший в 1914 г. Россию, Гюнтер как переводчик и издатель всю свою жизнь посвятил популяризации русской классической литературы в Германии. К чеховским рассказам он впервые обратился в 1922 году, пьесы же русского драматурга в его переводе вышли сначала отдельными томами в Лейпциге (за «Вишневым садом» в 1953 г. последовали «Три

сестры)), а позже вошли в изданное им же трехтомное западно-германское собрание сочинений Чехова [7]. Сам Гюнтер назвал это издание «плодом более чем четырех десятилетий работы над творчеством русского писателя» и одновременно «своеобразным итогом своей творческой жизни».

К фигуре Гюнтера снова напрашивается параллель из истории англоязычного восприятия чеховских пьес — Констанс Гарнетт. За каждым из переводчиков признается заслуга «открытия» для своего читателя богатства русской литературы, но оценка самих переводов, особенно по мере удаления от времени их создания, оказывается все более неоднозначной. В частности, очень критическое замечание в отношении переводов Гарнетт принадлежит И. Бродскому: «Причина того, что англоговорящие читатели едва ли могут объяснить разницу между Толстым и Достоевским, заключается в том, что они читают не прозу первого или второго. Они читают Констанс Гарнетт» [8]. В свою очередь, немецкий славист и тоже переводчик Чехова П. Урбан следующим образом оценил деятельность Гюнтера: «Он неутомимо и неразборчиво переводил все подряд: лирику, прозу, драматургию, почти целиком всю русскую классику, а также многочисленных писателей рубежа веков, вплоть до 1920-х годов. Гюнтер превратился в некое учреждение, в непререкаемый авторитет хотя бы уже из-за количества переведенных и изданных им произведений» [9].

Еще одно совпадение в переводах Гарнетт и Гюнтера касается именно чеховского «недотепы». Несмотря на то, что английский и немецкий переводы разделяют сорок лет, в них это слово получило одинаковую интерпретацию — в гарнеттовском переводе оно звучит как «*good-for-nothing*», а в гюнтеровском как «*Nichtsnutz*». И в английском, и в немецком языке эти эквиваленты означают «ни на что не годный человек, бездельник» и содержат семантический компонент отрицания, приближающий перевод к оригиналу. Однако отрицание, входящее в состав взятых переводчиками из ресурсов английского и немецкого языка слов, звучит окончательно и однозначно в сравнении с «недо-», в семантическом плане определяющим чеховский неологизм. Согласимся также с Э. А. Полоцкой в том, что при такой интерпретации «недотепы» одна и та же черта — пассивность, которая в «Вишневом саде» определяет характер Епиходова, распространяется на целый ряд других персонажей.

В юбилейном для Чехова 1954 г. в восточно-германском издательстве «Фольксферлаг» в серии «Современные хрестоматии» вышла книга «Чехов» немецких славистов Г. и В. Дювель (G. und W. Düwel) [10]. Она состояла преимущественно из переводов чеховских рассказов, драматические произведения были представлены «Вишневым садом». Данный перевод пьесы привнес идеологический акцент в трактовку чеховского «недотепы». В качестве эквивалента переводчики выбрали слово «*Windei*», которое означает в биологии «яйцо без зародыша» или «яйцо без скорлупы», однако может употребляться и в переносном значении по отношению к человеку. В этом смысле синонимами к немецкому «*Windei*» являются разговорно окрашенные «*Versager*» (неудачник, бездарь) или «*Niete*» (никчемный человек, ничтожество), а также существительные, имеющие в словаре помету «фамильно-разговорное» — «*Flasche*» (неудачник) и «разговорно-уничижительное» — «*Nulpe*» (дурак). Более выраженная отрицательная оценочность этих эквивалентов по сравнению с ранее рассмотренными, вероятно, явилась следствием общего заострения обнаруженного в пьесе Чехова «социально-критического смысла» [11] и была далека от мягкого и ироничного тона чеховского «недотепы», никак не связанного с социальным амплуа персонажей. В то же время в данной переводческой интерпретации мы обнаруживаем еще один оттенок этого емкого слова — «неудачник».

Новые интерпретации чеховского «недотепы» предлагали и более поздние немецкие переводчики «Вишневого сада»: П. Урбан (P. Urban) — славист, посвятивший значительную часть своей жизни исследованию, переводу и изданию в Германии произведений Чехова, и Т. Браш, соединявший в себе личность переводчика и драматурга.

Перевод «Вишневого сада», выполненный Урбаном, вышел сначала во франкфуртском издательстве «Ферлаг дер Ауторен» и использовался только для театральных постановок. Широкому читателю он стал доступен в виде отдельного издания три года спустя. Отличительной особенностью перевода Урбана стал объемный комментарий, предоставлявший читателям необходимую информацию для понимания отраженных в ней национальных особенностей жизни, быта и культуры оригинала. Большую роль комментарий Урбана играл и для понимания языка чеховской пьесы, т. к. пере-

водчик осознавал, что иногда даже самый близкий эквивалент не в состоянии передать многослойные коннотации исходного слова или выражения, раскрыть его авторское наполнение.

В качестве аналогии чеховскому «недотепа» Урбан предложил немецкое «*taube Nuss*», что переводится дословно как «пустой орех», а в переносном смысле звучит как «пустой, никчемный человек». При этом в затекстовом комментарии он дополнил свой перевод пояснением, раскрывающим суть сложного понятия в оригинале: «*nedotepa: Enthält die Vorstellung von etwas nicht Fertiggewordenem, mit der Axt nicht- zu- Ende- Behauenem*» (недотепа: содержит представление о чем-то недоделанном, недорубленном топором) [12]. Дословно же «*taub*» переводится с немецкого как «глухой, онемелый, застывший», это значение соотносится с еще одной важной характеристикой чеховских «недотеп» в «Вишневом саде» — все они разучились слушать и слышать друг друга. Как заметил В. Б. Катаев, в своей пьесе Чехов показывает в общении людей «разобщенность, самопоглощенность, неумение встать на точку зрения другого» [13].

Данное направление интерпретации получило свое развитие в одном из последующих немецких переводов чеховской пьесы. В 1985 г. появился перевод-обработка «Вишневого сада» немецкого драматурга, режиссера и переводчика Шекспира Т. Браша (T. Brasch), выполненный для одной из постановок пьесы на немецкой сцене [14]. По этому поводу немецкий театровед, критик и редактор журнала «Theater heute» заметил, что драмы Чехова спустя 80, 90 лет после их создания впервые были переведены на немецким язык автором, пишущим для театра [15].

Переводы Браша привлекают внимание активной интерпретаторской позицией их автора, которую он довольно подробно обосновал как в предисловии к изданию, так и в интервью о пьесах Чехова [16]. Приведем здесь лишь определение сути перевода, которое Браш дал в своем переводе «Вишневого сада», вложив его в уста Трофимова: «Дословного перевода мало. Нужно добавлять что-то свое, иначе никто ничего не поймет. Иногда так случается: чем точнее, тем неправильнее. В конце концов, это две культуры: немецкая и русская» (Mit einer Wort-für-Wort-Überstzung ist es nicht getan. Man muß schon was eignes dazutun, sonst versteht hier jeder alles falsch. So ist es eben manchmal: je richtiger — desto falscher. Schließlich sind das zwei Kulturen, die deutsche und die russische.) [17].

Авторскую трактовку в переводе Браша получает и «недотепа». Варьируя чеховский повтор, переводчик по отношению к Дуняше использует словосочетание «*blindes Huhn*», а во всех остальных эпизодах — «*taubes Huhn*». Существительное «Huhn» относится к разговорной лексике и используется в немецком языке для обозначения человека, как указывает словарь, «в сочетании с различными определениями; часто как ругательство». В качестве таких определений у Браша выступают уже использованное Урбаном прилагательные «*taub*» («глухой») и «*blind*» («слепой»). Переключка двух прилагательных, несущих семантику чувственного восприятия, оказывается очень созвучной особенностям чеховского диалога в пьесе и акцентирует для современного читателя и зрителя проблему духовного разобщения людей, их неспособность к коммуникации.

Таким образом, немецкие переводчики «Вишневого сада» предлагают самые различные интерпретации необычайно емкого и многозначительного чеховского слова «недотепа» — от развития самого общего смысла, т. е. представления о неловком, неуклюжем или недалеком человеке, в различных направлениях (пассивность, глупость, нерешительность, неудачливость и т. д.) до авторских трактовок, акцентирующих одно из проявлений зафиксированного в нем Чеховым характера. Разнообразие предложенных немецкими переводчиками эквивалентов «недотепы» отражают интенсивный поиск в культуре перевода аналогий и соответствий для одного из ключевых слов в пьесе, во многом определяющего трактовку авторского замысла в целом и, в то же время, обозначают границы его переводимости.

Примечания

1. Полоцкая Э. А. «Вишневый сад»: жизнь во времени. М., 2003. С. 321.
2. Luthе Н.- О. Komikübersetzung — ein Feld auszuhandelnder symbolischer Ordnung // Unger Т. Differente Lachkulturen? Fremde Komik und ihre Übersetzung. Tübingen, 1995. S. 51.
3. Полоцкая Э. А. Указ. соч. С. 322.
4. Паперный З. С. «Вопреки всем правилам...» Пьесы и водевили Чехова. М., 1982. С. 225.
5. Tschchow А. Der Kirschgarten. Tragikomödie in 4 Aufzügen. Nach der Einrichtung des Moskauer künstlerischen Theaters übersetzt und eingeleitet von S. Aschkinasy. München, 1912.
6. Der Kirschgarten // Anton Tschchow. Schauspiele. Übersetzt von H. Angarowa. Moskau, 1947.
7. Tschchow А. Werke in 3 Bänden. Novellen. Erzählungen. Dramen. Übersetzt und herausgegeben von J. v. Günther. München, 1963.

8. Цит. по: *David Remnick*. The Translation Wars. The New Yorker. 7. November 2005.
9. *Урбан П.* Драматургия Чехова на немецкой сцене // Литературное наследство. М., 1997. Т. 100: Чехов и мировая литература (Кн. 1). С. 167.
10. *Tschechow*. Ein Lesebuch für unsere Zeit. Herausgegeben von Gudrun und Wolf Düwel. Weimar, 1954.
11. *Düwel W.* Anton Tschechow — Dichter der Morgendämmerung. Halle (Saale), 1961. S. 169.
12. *Čechov A.* Der Kirschgarten. Komödie in vier Akten. Übersetzt und herausgegeben von P. Urban. Zürich, 1973. С. 113.
13. *Катаев В. Б.* А. П. Чехов // Русская литература XIX–XX веков: учеб. пособие. М., 2002. С. 452.
14. *Tschechow A.* Der Kirschgarten. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a. M., 1985.
15. *Rischbieter H.* Nachwort // Anton Tschechows Stücke. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a.M., 1985. S. 363.
16. Подробнее об этом см.: *Олицкая Д.* Проблема «своего–чужого» в переводах пьес А. П. Чехова на немецкий язык (на материале переводов Т. Браша) // Tagungsband «Sibirien — Russland — Europa. Fremd- und Eigenwahrnehmung in Literatur und Sprache». Graz, 19.–20.9.2011 / hg. R. Hansen-Kokoruš. Graz, 2013. С. 213–230.
17. *Tschechow A.* Der Kirschgarten. Übersetzt und bearbeitet von Thomas Brasch. Frankfurt a.M., 1985. S. 81.

A. P. Chekhov's “nedotyopa” interpreted by the German translators of *The Cherry Orchard*

The article considers the interpretation of Chekhov's neologism “nedotyopa” [klutz] in the German translations of *The Cherry Orchard* that represent different stages of its reception in Germany (the 1900s–2000s). There are multiple translation solutions which, on the one hand, points to the limited translatability of the concept with an expressed national colour, and, on the other hand, reveals the broad interpretative potential of this motif word. Most German translations of the play under analysis actualise the common meaning of the word. The equivalents “Tolpatsch”, “Nichsnutz”, “taube Nuss” used by translators express the idea of an awkward, clumsy or simple-minded person in German, yet they have different accents (passivity, stupidity, indecisiveness, etc.) that determine the interpretation of the Chekhov's characters. There had been attempts to show the complex nature of Chekhov's “nedotyopa” that expresses the idea of incompleteness of what was started, (“Unausgebackenes”) in translation. Finally, of particular interest is a solely author's interpretation of the neologism in the stage version of *The Cherry Orchard* by Thomas Brasch (“blindes Huhn”, “taubes Huhn”) in which the disunity of all the characters of the play, their inability to hear and understand each other come to the fore.

Keywords: the reception of Chekhov's plays in Germany, *The Cherry Orchard*, translation, interpretation.